
УДК 316.64

ДОЛГОВ А.Ю.* ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА: КАК В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ ИЗУЧАЮТСЯ ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ. (Обзор). DOI: 10.31249/rsoc/2021.03.03

Аннотация. В обзоре рассматриваются результаты эмпирических исследований предсмертных записок, представлены различные подходы к их анализу. Обсуждаются ценность предсмертных записок как источника данных и методологические ограничения их использования в исследованиях.

Ключевые слова: самоубийство; смерть; предсмертные записки; анализ текстов; социально-демографические характеристики самоубийц.

DOLGOV A.Yu. Last words: how suicide notes are studied in the social sciences. (Literature review).

Abstract. The review considers the results of empirical research on suicide notes and presents various approaches to their analysis. The value of suicide notes as a data source and methodological limitations of their use in research are discussed.

Keywords: suicide; death; suicide notes; text analysis; socio-demographic characteristics of suicides.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Последние слова: как в социальных науках изучаются предсмертные записки. (Обзор) // Социальные и

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; старший преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: adolgov@inion.ru

гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 3. – С. 26–36. DOI: 10.31249/rsoc/2021.03.03

Предсмертные записки чаще всего становятся объектом изучения в психологии, психиатрии и криминалистике, но подходы к их изучению разрабатываются и в социальных науках. Исследователи используют предсмертные записки как эмпирический источник при изучении широкого круга вопросов в рамках своих дисциплин. А.Е. Мальченкова отмечает, что с помощью предсмертных записок можно проанализировать три аспекта суицидального поведения: «1) точку зрения самого суицидента; 2) социальные и культурные условия, на которые он реагировал; 3) последовательность событий и ситуаций, ранее имевших место в его жизни» [Мальченкова, 2008, с. 308]. Кроме того, проводятся обширные эмпирические исследования социально-демографических характеристик авторов записок, при изучении текстов записок применяются феноменологический, контент- и дискурс-анализ. Этим направлениям исследований посвящен представленный обзор.

Долгое время продолжают дискуссии вокруг вопроса о том, отличаются ли самоубийцы, оставляющие предсмертные записки, от самоубийц, которые этого не делают. Так, в исследовании Стюарта Козна и Джоан Фидлер (Питтсбургский университет, США), проведенном в начале 1970-х годов, сравнивались 220 самоубийц, написавших предсмертные записки, с 813 самоубийцами, которые таковых не писали [Cohen, Fiedler, 1974]. Проанализировав данные, исследователи сделали вывод, что чаще всего теми, кто оставлял записку, были белые женщины, как правило, не вдовы, и в качестве способа самоубийства они преимущественно выбирали употребление медицинских препаратов. Что касается стиля и содержания записок, то женщины чаще, чем мужчины, в своих записках проявляли юмор, иронию и сарказм. Как предполагают исследователи, это может объясняться тем, что женщины таким образом пытаются скрыть свои настоящие чувства, или тем, что для них это более привычный способ самовыражения [ibid., p. 93].

В исследованиях обсуждается проблема того, можно ли переносить выводы, сделанные на основе изучения предсмертных записок, на тех самоубийц, которые их не оставляли. Социолог Валери Калланан (Университет Акрона, США) и криминолог

Марк Дэвис (Университет штата Огайо, г. Колумбус, США) отмечают, что в научной литературе возникли разногласия по этому вопросу, а также по поводу ценности предсмертных записок как источника данных [Callanan, Davis, 2009]. Ценность предсмертных записок, как они отмечают, заключается в том, что оставленные тексты дают важную информацию о состоянии людей перед смертью, служат последней коммуникацией с близкими, в них транслируются представления о вине за содеянное и объясняется совершение такого культурно неодобряемого действия, как самоубийство. Для своего исследования Калланан и Дэвис собрали данные о самоубийствах, которые совершались в течение 1997–2006 гг. в округе Саммит, штат Огайо, США. Используя многофакторный анализ, они сравнили две группы самоубийц по 40 переменным, включая социально-демографические характеристики, ранее зарегистрированные нанесение себе увечий, провоцирующие события, показатели физического и психического здоровья и степень заботы о нем, способ самоубийства.

Из 621 рассмотренного случая самоубийств в 231 (37,2%) случае были оставлены предсмертные записки. Исследователи зафиксировали только два статистически значимых фактора, и это говорит о том, что между выделенными группами суицидентов почти нет различий. Во-первых, те, кто оставлял предсмертные записки, с большей вероятностью жили одни до своей смерти. Авторы предполагают, что такая взаимосвязь обусловлена тем, что с помощью предсмертной записки люди письменно объясняют причины содеянного, делятся своими последними мыслями и дают указания относительно своего имущества, поскольку у них не было никого, кому еще можно было бы передать эту информацию. Другой фактор (менее статистически значимый, чем первый) связан с тем, что люди, оставившие предсмертные записки, с меньшей вероятностью ранее заявляли о желании покончить с собой. Возможно, эта взаимосвязь объясняется тем, что люди, которые ранее уже сообщали о желании убить себя, не считают необходимым еще раз делать это письменно. В целом авторы заключают, что в дальнейшем нужно проводить исследования на более крупных выборках и что предсмертные записки можно использовать как источник данных, обобщая и перенося сделанные по ним выводы на тех, кто их не пишет [ibid., p. 566–567].

Американские исследователи Стивен Стак (Университет Уэйна, г. Детройт) и Иен Рокетт (Университет штата Западная Виргиния, г. Моргантаун), используя общенациональную выборку (данные по 17 штатам, N=30570), сравнили по 39 переменным 9048 авторов предсмертных записок с 21 522 суицидентами, не оставившими записок [Stack, Rockett, 2018]. В отличие от предыдущего исследования они нашли больше различий между двумя этими группами по большинству демографических переменных, стрессовым жизненным событиям, психическим проблемам и способам самоубийства. Например, те, кто столкнулся со стрессовыми жизненными событиями, были значительно более склонны оставлять записки по сравнению с теми, кто не испытывал подобных проблем [ibid., p. 16].

В исследовании, проведенном на японской выборке, средняя частота написания предсмертной записки составила 30,1% (среди мужчин – 29,7%, среди женщин – 30,8%) [Differences in characteristics ..., 2006]. Авторами предсмертных записок чаще становились женщины, живущие в одиночестве, выбирающие более летальные способы самоубийства, такие как отравление угарным газом, повешение или нанесение порезов острыми предметами. Те, кто не оставлял записки, были склонны совершать самоубийства из-за физического заболевания, психического расстройства.

В аналогичном количественном исследовании китайских ученых были проанализированы характеристики суицидентов и содержание предсмертных записок за период 2004–2016 гг. в районе Пудун, г. Шанхай (население района – более 5,5 млн человек) [Li, Lu, Yip, 2020]. В 458 случаях (19%) суициденты оставили предсмертные записки, в 1949 случаях – нет. По своему содержанию записки были распределены исследователями на четыре группы: адресованные кому-либо; содержащие поручения или просьбы; содержащие самовыражение; описывающие жизненные трудности. Те, кто оставил предсмертные записки, характеризовались отсутствием диагностированных психических заболеваний, долгами, высоким уровнем образования; они не совершали ранее попыток суицида и выбирали методы суицида, требующие предварительной подготовки. Подростки чаще упоминали в записках о сложных межличностных отношениях с кем-либо (27,4%), взрослые (33,4%) и пожилые люди (61,5%) чаще упоминали о заболева-

ниях и физической боли. Соответственно, заключают исследователи, для разных возрастных групп людей необходимо разрабатывать разные стратегии предотвращения самоубийств. Китайские исследователи также сделали предположение о том, что уровень образования может быть ключевым фактором, влияющим на вероятность написания предсмертной записки [Li, Lu, Yip, 2020].

Еще в одном подобном исследовании были рассмотрены 706 самоубийств молодых людей в возрасте до 20 лет включительно, совершенных в провинции Квебек, Канада, с 1895 по 1985 г. [A quantitative and qualitative study ..., 2020]. С помощью количественного анализа были описаны предсмертные записки и сравнены социально-демографические характеристики тех, кто их оставил (N=47), и тех, кто этого не сделал (N=659). Также был проведен индуктивный тематический анализ записок, в ходе которого были выделены следующие блоки: 1) о последних желаниях (об имуществе, теле, сообщения и последние пожелания другим); 2) о тех, кто останется после них (приветствия, обвинения и претензии, извинения и раскаяния, просьбы не винить, не грустить, не забывать); 3) о том, почему они это сделали (причины, самокритика и вина, описание страданий и лишений, планирование совершить суицид, видение жизни и смерти, облегчение после смерти, ожидание воссоединения с умершими близкими); 4) о своем месте в мире (теории, эзотеризм, юмор, Бог и грехи, взгляды на мир) [ibid., p. 559]. Первые три темы, отмечают исследователи, почти за век содержательно никак не поменялись. Только в четвертой теме они зафиксировали то, как менялось понимание молодыми людьми их места в мире, что, предположительно, связано со значительными социальными изменениями (примерно с 1960-х годов молодые люди стали писать о том, что им сложно приспособиться к окружающему миру, а это свидетельствует о кризисе идентичности на коллективном и индивидуальном уровнях). Количественный анализ не выявил никаких социально-демографических различий между теми, кто оставил записки, и теми, кто их не оставил. Кроме того, исследователи отмечают, что предсмертные записки, оставленные людьми в возрасте 20 лет и младше, не сильно отличаются от записок пожилых людей [ibid., p. 564].

Кросс-культурные сравнения содержания предсмертных записок тоже не всегда содержат однозначные выводы. Так, группа

исследователей из Турции и Канады, проведя тематический и теоретико-концептуальный анализ 60 турецких и американских записок о самоубийствах с помощью многомерной эмпирической модели, выяснила лишь то, что в турецких записках используются более завуалированные и косвенные выражения [Suicide in different cultures, 2010]. Исходя из анализа турецких записок можно сделать вывод, что причины для совершения самоубийства на самом деле могут быть не теми, о которых пытается рассказать человек. Исследователи предлагают в дальнейших работах выяснить, связано ли это с более коллективистской культурой в Турции и более индивидуалистической в США [ibid.].

Южноафриканские исследователи из Университета Квазулу-Натал (г. Питермарицбург) Афина Лазаридез, Дуглас Вассенаар и Табо Сехеса провели тематический контент-анализ 24 предсмертных записок, собранных в двух полицейских участках Йоханнесбурга и в одном центре судебно-медицинской экспертизы Дурбана [Lazarides, Wassenaar, Sekhesa, 2019]. Были выделены следующие 12 тем¹.

1. Выражение любви и благодарности («Я желаю тебе удачи и благословения твоей жизни, любовь моя»).

2. Объяснение причин самоубийства («Я сделал это для себя»).

3. Инструкции по поводу эмоций и практических действий после смерти («Помните, никаких похорон»; «Вы должны жить дальше без меня. Для вас все может стать лучше»).

4. Вера в потустороннее («Увидимся в следующей жизни»).

5. Извинения и просьбы о прощении («Пожалуйста, пострайтесь не просто увидеть, но и понять, насколько мне страшно. Пожалуйста, простите меня»).

6. Гнев и злоба («Ты ведь действительно думаешь, что я полный придурок, не так ли?»; «Да пошел ты!»; «Не поступай с людьми плохо»).

7. Отчаяние, безнадежность и эмоциональная боль («Я достиг дна»; «Кажется, что нет никакого света в конце туннеля»; «Проблемы, с которыми я столкнулся в жизни, окрасили мою душу в черный цвет, теперь я чувствую облегчение, поскольку я мертв»).

¹ В скобках в качестве примеров приводятся фрагменты предсмертных записок; цит. по: [Lazarides, Wassenaar, Sekhesa, 2019].

8. Беспокойство о тех, кто останется («Я понимаю, что вы испытаете душевную боль, но она пройдет»).

9. Неудачные любовные отношения и ощущение себя нелюбимым («Проблема в том, что человек, которому я так доверял и которого так любил <имя человека>, разорвала мое сердце на куски. <Имя человека> была моей последней надеждой, и я не хочу жить без нее»).

10. Финансовые трудности («Каждый день моей жизни мне было больно видеть, как ты и мой ребенок страдаете, а я работал и не мог вам помочь. Думаю, лучше мне умереть, чем смотреть на твои страдания»).

11. Депрессия и истощение («Всё, я устала от этой долбанной жизни»).

12. Самообвинения («Я знаю, что поступил неправильно, и надеюсь, что Бог простит меня за то, что я лишил себя жизни, я несу и буду нести ответственность за это»).

Джерри Джейкобс (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США) провел феноменологический анализ 112 предсмертных записок, оставленных самоубийцами в Лос-Анджелесе [Jacobs, 1967]. Для сбора эмпирического материала он также работал с подростками, пытавшимися совершить суицид, и их родителями. Автор классифицировал предсмертные записки, исходя из формальных аспектов того, что человек должен сначала испытать, чтобы всерьез задуматься о самоубийстве, а затем попытаться его совершить [ibid., p. 67]. В результате им были выделены шесть категорий записок: «записки первой формы» (в них содержатся характеристики всех следующих пяти категорий); записки о болезни; записки с прямым обвинением кого-либо; записки с последней волей, завещанием и инструкциями; записки, в которых принимаются меры предосторожности, для того чтобы избежать проблем этого мира в загробном мире (например, обращения к Богу с просьбами простить и помочь).

Группа норвежских исследователей рассмотрела десять самоубийств молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, произошедших с 2005 по 2009 г. [The role of self-esteem ..., 2018]. Проведя 61 глубинное интервью с близкими людьми суицидентов и проанализировав предсмертные записки последних, исследователи предложили феноменологически обоснованное понимание психо-

логических механизмов и процессов, происходящих с мужчинами, решившимися покончить с собой. Используя интерпретативный феноменологический анализ, они выделили четыре темы: 1) стремление найти жизненный путь для себя как взрослого мужчины; 2) переживание чувства неудачи относительно своих стандартов; 3) эмоциональное самоограничение в отношениях; 4) сильное чувство одиночества и отрицание своего Я. Близкие умерших отмечали, что они, как казалось, испытывали невыносимое несоответствие между их реальными действиями и стандартами идеального собственного Я.

В книге польского социолингвиста Дариуша Галасинского (Вулверхэмптонский университет, Великобритания) рассматривается, как самоубийство и самоубийцы дискурсивно конструируются в предсмертных записках. Через изучение дискурсивных конструкций предлагается понять социальную привязку и смысл самоубийств с точки зрения тех, кто их совершает [Galasinski, 2017, p. 1]. Данные, на которых основана книга, получены в Польском собрании предсмертных записок¹, которое содержит документы, собранные в региональных прокуратурах Польши. Д. Галасинский проанализировал 456 записок, написанных мужчинами в период с 1998 по 2008 г. Самому младшему автору было 13 лет, самому старшему – 89.

Д. Галасинский описывает противоречие между маскулинностью и самоубийством, поскольку маскулинность связана с силой и смелостью, а самоубийство ассоциируется со слабостью и трусостью. Тем не менее мужчины убивают себя. Но в предсмертных записках они стараются оставлять самоубийство «скрытым» и не конструируют свою идентичность через него [ibid., p. 168], а также стремятся не акцентировать внимание на гендерной идентичности [ibid., p. 169].

Важный методологический принцип, из которого исходит Д. Галасинский при анализе предсмертных записок, состоит в том, что их нельзя рассматривать просто как искренние акты коммуникации (как это делается в большинстве других исследований). Предсмертные записки следует рассматривать как ресурс слож-

¹ Polski korpus listów pożegnalnych samobójców. – URL: <http://www.pcsn.uni.Wroc.pl/> (accessed: 01.06.2021).

ных, многоцелевых актов коммуникации, возможно, со скрытыми, стратегическими или манипулятивными целями. И их не нужно использовать «как просто окно в чей-то разум» [Galasinski, 2017, p. 174–175].

В этнографической работе американского социолога Терри Уильямса (Новая школа, Нью-Йорк) основное внимание при анализе повествований в предсмертных записках американских подростков уделяется письму как технологии и форме эмоционального очищения [Williams, 2019]. Один из основных тропов в предсмертных записках, как показывает автор, связан с тем, что подростки, которые их писали, на самом деле не хотели умирать. Предсмертные записки и повествования представляют собой признание в стиле Альбера Камю: «самоубийство как осознание гнева, тревоги, отращения к жизни, к тому, как она проживается» [ibid., p. XXXII]. Автор также рассматривает идею сети общих чувств, передачу неразрешенной травмы от поколения к поколению и описывает подростковое самоубийство как своего рода «обряд перехода» [ibid.].

Антрополог из Принстонского университета (США) Элизабет Дэвис изучила рост числа самоубийств в Греции, который начался после экономического кризиса 2008 г. и к 2011 г., по оценкам СМИ, приобрел масштабы «эпидемии» [Davis, 2015]. Этому «эпидемическому» росту способствовали десятки резонансных публичных самоубийств, произошедших в то время. Э. Дэвис проанализировала три типа данных о самоубийствах: 1) статистические исследования и сообщения СМИ; 2) предсмертные записки, написанные людьми, которые совершили самоубийство или пытались это сделать в период экономического кризиса в стране; 3) рассказы пациентов в диалогах с местными психиатрами об их суицидальных наклонностях, зафиксированные до кризиса [ibid., p. 1009].

Серия публичных самоубийств в Греции в 2011–2012 гг.¹ привлекла внимание общественности к предсмертным запискам,

¹ К числу таких самоубийств или их попыток относятся самосожжение перед банком разорившегося мелкого бизнесмена 55-летнего Апостолоса Полизониса 16 сентября 2011 г. (пострадавший остался жив и позже стал публично участвовать в дискуссиях о самоубийствах и выступать против коррупции в стране); смертельный прыжок из окна своего офиса директора обанкротившейся

поскольку некоторые из них были опубликованы и растиражированы СМИ. Самоубийцы винили богатые и влиятельные классы, греческое государство и институты ЕС за меры жесткой экономии, за свои огромные долги, за то, что люди теряют достоинство и надежду на будущее. Эти обвинения были подхвачены медиа и представлены как доказательства того, что люди совершали самоубийства с целью политического протеста [Davis, 2015, p. 1015]. Действительно, эти публичные самоубийства происходили на фоне разрастания массовых уличных протестов, поэтому было весьма удобно считать такие смерти «политическими». Однако в таком случае из поля внимания выпадало большое количество других менее заметных самоубийств, а публичные самоубийства вместо «плохой смерти» стали восприниматься общественностью как что-то героическое, мученическое, вопреки культурным представлениям о том, что это что-то постыдное и осуждаемое. Таким образом, Э. Дэвис пишет о том, что СМИ, зацепившись за протестную риторику в предсмертных записках самоубийц, идеализируя и героизируя их интенции, непреднамеренно могли поспособствовать росту числа других самоубийств.

В заключение отметим, что эмпирические исследования предсмертных записок, сделанные на разных выборках, дают очень разнообразные результаты – иногда противоречащие друг другу, иногда дополняющие друг друга, иногда просто повторяющиеся. Тем не менее предсмертные записки остаются очень интересным объектом для изучения, как на уровне работы с «большими данными» (например, с помощью построения статистических моделей), так и на уровне «малых данных», когда исследователи детально анализируют предсмертную записку как «человеческий документ» и пытаются «вслушаться» в последние слова самоубийцы, чтобы понять причины совершенного им действия и увидеть, какие социальные эффекты оно может вызвать.

рекламной фирмы Майкла Криадиса 21 сентября 2011 г.; выстрел в себя перед зданием греческого парламента 70-летнего пенсионера Димитриса Христуласа 4 апреля 2012 г. и другие случаи.

Список литературы

Мальченкова А.Е. Исследование документов при анализе суицида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. – 2008. – № 3. – С. 307–312.

A quantitative and qualitative study of notes left by youth who died by suicide in Quebec from 1895 to 1985 / Ligier F., Michaud L., Kabuth B., Lesage A., Corriveau P., Séguin M. // Archives of suicide research. – 2020. – Vol. 24, N 4. – P. 554–567.

Callanan V.J., Davis M.S. A comparison of suicide note writers with suicides who did not leave notes // Suicide a. life-threatening behavior. – 2009. – Vol. 39, N 5. – P. 558–568.

Cohen S.L., Fiedler J.E. Content analysis of multiple messages in suicide notes // Suicide a. life-threatening behavior. – 1974. – Vol. 4, N 2. – P. 75–95.

Davis E. «We've toiled without end»: publicity, crisis and the suicide «epidemic» in Greece // Comparative studies in society a. history. – 2015. – Vol. 57, N 4. – P. 1007–1036.

Differences in characteristics between suicide victims who left notes or not / Kuwabara H., Shioiri T., Nishimura A., Abe R., Nushida H., Ueno Y., Akazawa K., Someya T. // J. of affective disorders. – 2006. – Vol. 94, N 1. – P. 145–149.

Galasinski D. Discourses of men's suicide notes. – N.Y. : Bloomsbury academic, 2017. – 202 p.

Jacobs J. A phenomenological study of suicide notes // Social problems. – 1967. – Vol. 15, N 1. – P. 60–72.

Lazarides A., Wassenaar D.R., Sekhesa T. A thematic content analysis of suicide notes from South Africa // South African j. of psychology. – 2019. – Vol. 49, N 1. – P. 148–159.

Li F., Lu X., Yip P.S.F. A study of the characteristics of suicide notes in China // Crisis: international j. of suicide a. crisis studies. – 2020. – Vol. 41, N 1. – P. 32–38.

Stack S., Rockett I.R.H. Are suicide note writers representative of all suicides? Analysis of the National violent death reporting system // Suicide a. life-threatening behavior. – 2018. – Vol. 48, N 1. – P. 12–20.

Suicide in different cultures : a thematic comparison of suicide notes from Turkey and the United States / Leenaars A.A., Sayin A., Candansayar S., Leenaars L., Akar T., Demirel B. // J. of cross-cultural psychology. – 2010. – Vol. 41, N 2. – P. 253–263.

The role of self-esteem in suicides among young men / Rasmussen M.L., Dyregrov K., Haavind H., Leenaars A.A., Dieserud G. // OMEGA – j. of death a. dying. – 2018. – Vol. 77, N 3. – P. 217–239.

Williams T.M. Teenage suicide notes : an ethnography of self-harm. – N.Y. : Columbia univ. press, 2019. – 254 p.